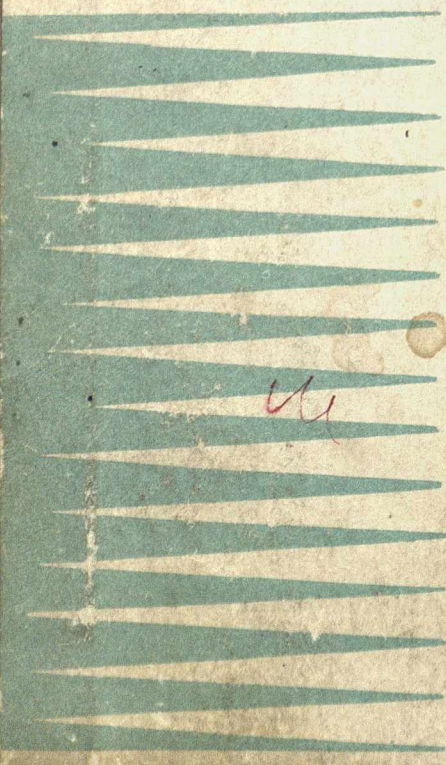

8.4 (2-рус) 7

Г-46

ОАЕТ
ДИМОВ

НА
ИСХОДЕ
ТРЕВОЖНОГО
ЛЕТА

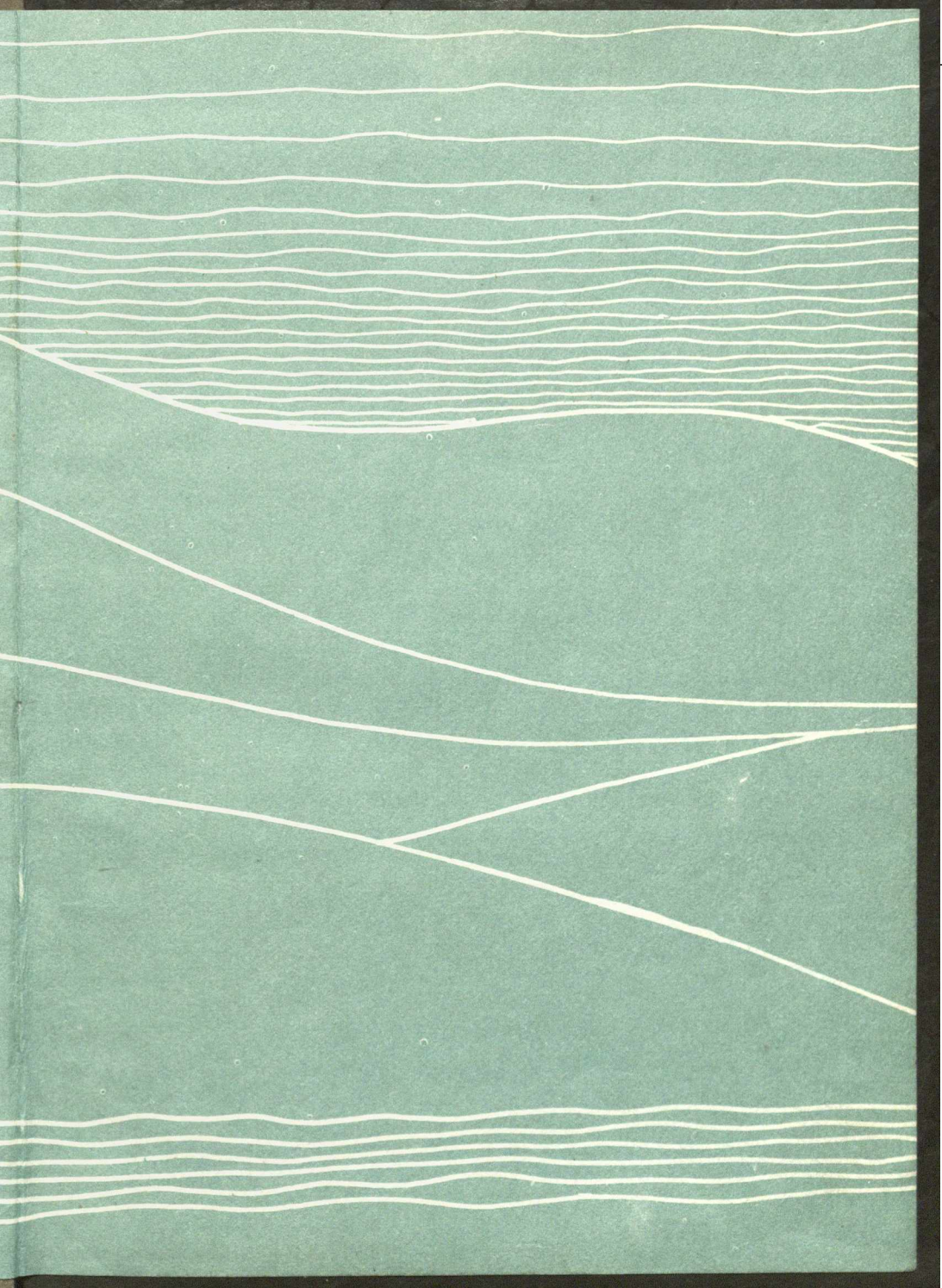

44

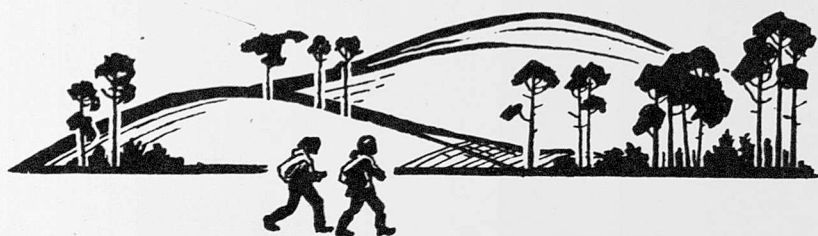
КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА
КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач. _____

З ТМО Т. 3600000 З, 2079-87

ОЛЕГ ДИМОВ

**НА
ИСХОДЕ
ТРЕВОЖНОГО
ЛЕТА**

ПОВЕСТЬ

ЧИТА
ИЗДАТЕЛЬСТВО "РОСТОК"
1993

84(2=Руч/7
Д416

Издание осуществлено при финансовой поддержке
старательской артели "УРЮМ"

000006

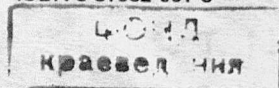
Димов О. А.
На исходе тревожного лета. Повесть-реквием. Чита, издательство "Росток",
1993.

Новая повесть-реквием читинского прозаика Олега Димова густо населена
людьми бродячими: геологами и бичами, летчиками и каюрами; основное место
действия - тайга северного Забайкалья. время - день сегодняшний.

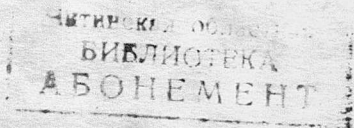
Эта книга - веселая повесть о поколении 30-40-летних, о их неизбежном в
наши дни выборе пути. Эта книга - грустный реквием по дням уходящим, по
былому укладу жизни, потому что "прошлое хорошо потому, что оно уже было.
Как вино, которое я выпил", - так утверждает один из героев повести.

ISBN 5-87082-007-3

С О. Димов, 1993

2016 С Издательство "Росток", 1993

-551967-

1.

И пришел срок, когда мать первый раз отказала ночью мужу: Светка в ней уже сучила ногами от нетерпения заглянуть под стол - кто там квохчет? Он молча слез с кровати, подвязал тесемки кальсон, выкурил папиросу у стола-курятника. Сказал матери, что он без этого и недели прожить не сможет, не то что месяцы, оделся, взял документы и ушел.

И росла Светка под присмотром куриного мужика - петуха, которого мать выпускала, чтобы ей не было скучно, когда сама уходила на работу. И жили на куриных правах у свекровки на задворках в завалившейся хибаре, за которую мать рассчитывалась летом спиной: поливала и обихаживала свекровкин безразмерный огород; зимой - зрением: с клубков обвязывала всю свекровкину родню; и во все времена года унижением: Светкин дядя - младший брат отца - иногда приходил в их развалюху, засовывал Светку в курятник, чтоб не путалась под ногами, закрывал на вертушку и выкручивал на диване матери руки. И она уступала, чтоб скорее вынуть Светку, бьющуюся в курином помете.

С этим дядей был связан один из первых в жизни Светки отбойных поступков. Ей было уже четырнадцать, и при Светке он не заходил в халупу, но, иногда, вернувшись из школы, по растрепанному виду матери догадывалась - приставал. Как-то мать попросила Светку зарубить курицу, переставшую нестись. Дядя сидел на высоченном крыльце своего дома, увидев Светку с топором, крикнул жене:

- Выдь-ка, посмотри на звереныша. И рука не дрогнет. Спектакля.

Сели рядом на ступеньку. Рука не дрогнула, а когда курица оттрепыхалась, Светка с кровавистым топором в руках подошла к крыльцу и сказала:

- И тебе отсеку башку, если будешь к матери приставать, - отвернулась и пошла себе, а сзади как ступенька обломилась: даже посмотреть захотелось, свалится или нет с крыльца от такой за-

трещины - против жены от был в половину меньше.

Но чтобы так сказать, надо было прожить четырнадцать своих лет: из них первые семь в обществе петуха и кур на задах огорода. Во дворе играть не разрешали, потому что разнеживала, ласясь, волкодава-цепника. Потом еще семь лет проучиться в спецшколе, где мать работала уборщицей и посудомойкой, из-за чего Светку туда и приняли, а мать хлопотала, чтобы под руками была. Наверное, самые трудные ее семь лет.

Жили они на окраине, в Пролетарском поселке, за рекой от города. Район был точно пролетарским: почти все Заречье работало на овчинно-меховой фабрике, шубзаводе, лесокомбинате, растянувшихся вдоль берега реки. Все друг друга знали, и солидарность в районе была пролетарская: с наступлением сумерек чужие через мост двигались в одну сторону - из Заречья, а таксисты ночью ехали туда только за двойную плату и пассажиров в город не брали. Лишь бы выскочить. Если кому случилось выйти замуж за чужака и остаться жить в Заречье, то молодая вечерами встречала мужа с работы у моста, пока его не признавали за своего. В районе был свой магазин, где работали свои продавцы - все соседи, своя поликлиника со своими врачами, заречными, своя школа, тоже со своими учителями, потому что городским там бы не выжить. А своя вечером выйдет и крикнет через заплот: "Данилыч, твой снова на уроке девчонкам своего червяка показывал". И Данилыч, кликнув чадо, спустит с него ту часть одежды, которая прикрывает "червяка" и мягкое место, отстегает тем, что под руку попадет. Еще и спросит уважительно: "Что, Петровна, хватит?"

А Светкина школа была небольшой и ухоженной. Родители, сложившиеся в коллектив, рьяно шефствовали над ней по мере возможностей весомых организаций города, руководителями которых они были. Между собой учителя так и звали детей: дочь главноба, двойняшки треста столовых и ресторанов, внук государственной безопасности, сын управления торговли... Светкина мать руководила шваброй. Светка стала козырем директора школы на всяческих игрищах в среднее образование, где он доверительно говорил с трибуны: "У нас учатся даже дети уборщиц! Так что не надо..."

В первом классе с ней никто не захотел сидеть, потому что от нее пахло птичьим пером и хозяйственным мылом. Во втором классе она уже сама не захотела ни с кем сидеть и научилась не замечать,

что ее не замечают. В третьем, если бывала в задумчивости, то на вопросы учителя не отвечала. Но двоек ей за это не ставили, руководствуясь необходимостью терпимого отношения к психической заторможенности ребенка из неблагополучной семьи.

В четвертом классе она начала поколачивать одноклассников, если сильно досаждали. Обеспокоенный педсовет принял живейшее участие в ее судьбе и заговорил сам себя до того, что решил перевести Светку в другую спецшколу - для слабоумных, но спохватился: успеваемость-то у нее была приличная, а исключать из-за поведения - это расписываться в собственной педагогической несостоятельности.

Каждый ученик в этой маленькой затерявшейся в огромном лесопарке в центре города школе был на виду и предметом внимания родительско-педагогического коллектива. Школа была первой ступенью на пути учеников к должностям своих родителей, которые тоже учились в ней и внуков метили привести сюда, в эти родные стены кузницы руководящих кадров. Светка самая первая приняла трудовую эстафету - в пятом классе стала помогать матери мыть полы в коридорах. Ей нечего и некого было терять: ни дружбы, ни авторитета, ни привязанностей. Мать страдала, дома плакала и умоляла Светку только учиться и дружить с хорошими детьми.

В шестом классе Светке крупно повезло. В конце первой четверти, как-то после урока физкультуры, ее завел в свою "темнушку" Валентиныч, раздел до трикотажных трусиков, долго мял и щупал, потом сказал:

- Ловко у тебя получается летать со шваброй по коридору. Давно к тебе присматриваюсь. Хочешь, научу ходить по акробатической дорожке и летать? Приходи на тренировку.

Акробатикой Светка заболела тяжело, стала ее фанатом. Летать... Свободней и выше, с каждым днем все выше, как будто может наступить тот день, когда не нужно касаться пола, чтобы отталкиваться для полета. Летать...

Можно иметь все из того, что можно иметь в тринадцать лет: тысячи рублей на собственной сберегательной книжке, уезжать из школы на черной "Волге", точно припаркованной в конце последнего урока у подъезда, можно со спокойной улыбкой при всем классе сказать учителю, что он дерьмо, и ждать его вечером домой с извинениями, можно летать на пикники на персональном родительском вертолете. Можно, но это почти как у всех других в школе и прав на собственную исключительность и презрение всех и

всего не даст. Светкина боль, отложившаяся в ней за годы учебы, как окаменевший помет на полу курятника, за годы, прожитые от этого курятника до швабры, вылизывающей в вечерней одинокой тишине равнодушные полы школьных коридоров, требовала от Светки расплаты со всеми и со всем, права на презрение всего и всех; с уважением она относилась только к тем, кто умел летать. В школе - это к Валентинычу, а вне школы - к птицам. Сама она летала в спортзале каждый день до состояния, в котором свободно парила внутри себя.

Свекровь-бабушка умерла, и дядя стал полновластным хозяином усадьбы. Теперь он скрадывал не мать, а Светку, и если ей случалось оставаться одной, сидела запершись на все запоры и крючки, поджидая мать, которая, как на вторую работу, ходила по врачам: ее начали донимать сильные головные боли. Работать она почти не могла, быстро уставала, начинались головокружения, школу швабрила Светка, и трудно было сказать, кто из них кого кормит. С каждым годом они все откровенней нищали - Светка росла. В Заречье друзей у нее не было, потому что училась в той школе, которая, даже собравшись вся под завоеванные за хорошие показатели переходящие знамена, на эту сторону реки и днем не рискнула бы перейти. Заречные парни вечерами наведывались в парк, а по утрам прохожие удивлялись, что снова исчез забор из штакетника при входе в городское святилище культуры и отдыха.

Но с некоторых пор заречные стали замечать Светку, набиваться в провожатые, когда вечерами возвращалась со своих полетов, а в первых же кущах, оплетающих Заречье, лезли под подол или за пазуху. И Светка безбоязненно колотила по мордам. В Заречье могли унести ночью ворота, отравить собаку, вырвать из парника и развесить огуречную ботву на забор огорода, освистать и высмеять, но ударить девчонку - не могли. Это был фирменный шик Пролетарского района, и ударить - быть битым своими же.

В восьмом классе в жизни у Светки случилось событие: сын управления торговли, презрев общественное мнение, проводил ее из школы. За мостом его поколотили. На следующий день он снова нес ее портфель, и его снова поколотили, но покрепче. А еще на следующий день его поколотили изрядно, точнее - избили обоих, потому что Светка не осталась наблюдателем и влезла в драку. Отступника от закона карает закон, и били ее как отступницу вдвойне: за поправление устоев и защиту чужака. И сражалась она плечом к плечу рядом с сыном управления торговли, который оказался далеко не

сынчком - как мог, прикрывал Светку собой, а заречные бойцы выписывали ногами затейливые вензеля, если налетали на его кулак.

Два дня он не приходил на занятия, на третий появился. Синяки еще не сошли, подсвечивали одутловатое лицо. Одноклассницы были удовлетворены, парни отнеслись сочувственно, хотя зависть покалывала каждого: три раза сходить за мост...

После занятий сын торговли перехватил Светкин портфель.

Тревожной дробью рассыпался стук каблуков радетьниц его здоровья - мчались предупредить учителей, что "швабра" снова повела его на побои. В этой школе тайн от педагогов не было. И взгляды обволакивали их: любопытные, осуждающие, ехидные. Только Валентиныч, душа-Валентиныч, всегда о чем-то грустящий Валентиныч смотрел на них от учительской хорошо и приветливо. Светкин птица-Валентиныч, научивший ее летать. Сам он летал все реже и реже, но еще случалось, что отряхнувшись от своей постоянной печали, как птица от ночного сна, поднимался на батут и упругая сетка выкидывала его в родную стихию. Или проходил в высоких сальто и пируэтах по акробатической дорожке раз, другой, третий...

На убийстве вела Светка сына торговли, и уже решила про себя - дальше моста не позволит ему идти.

- Ты извини меня, - сказал он Светке. - Я могу проводить тебя только до подъезда школы. Там стоит черный лимузин, а в нем мама. У нее сердце больное. Я не могу пойти с тобой.

Сын торговли действительно не мог, потому что был хорошим сыном.

- Хороший ты парень, - сказала Светка, забирая у него портфель, - только знаешь... - и не школьно-туалетным матом, а зареченским, дубленным в рассолах овчинно-меховой фабрики, свитым из глаголов забойщиков скота на мясокомбинате, суковатым, как низкосортный горбыль лесозавода, послала сына торговли в черный лимузин; поджидающий его у подъезда.

Лето между восьмым и девятым классами было до задыхания счастливым для семьи Соколовых. Кто-то где-то взвесил на весах справедливости их жизнь: страдания оказались ниже среднестатистического уровня по стране, а доходы - ниже уровня бедности - и решил дать им передышку. Матери, как члену профсоюза, горздрав выделил бесплатную путевку в санаторий, а Светку Валентиныч, душа-Валентиныч, устроил на два сезона в спортивный лагерь. От

волнения по ночам плохо спали не только Соколовы, но и Соколовы куры. И было отчего взволноваться: через всю страну матери предстояло ехать на какое-то Черное море.

- Как же в нем купаются-то? - осторожно спросила мать Светку, и Соколова-младшая люто затосковала.

Тосковали и от предстоящей разлуки, первой в их жизни. И кур с петухом надо к кому-то пристраивать. Мать всегда говорила, что они вчетвером живут: она, Светка, куры, петух.

Предстоящий разъезд навел Светку на мысль, что эти куры и она, может быть, помешали матери второй раз создать семью. После бани наденет белую рубашку, раздерет, выпустит гребнем волнистые волосы-водопады на плечи, да истомленно поведет по халупе взглядом - тоска. Приличного человека и в гости не пригласишь. А фигура! На работу Светкины платья донашивает. Если бы только не постоянное выражение испуга на лице... Курятник к соседке несли как покойника из дома - мать рыдала.

Лето Светке показалось одним блескучим днем. Взошло солнце, растеклось по синему зеркалу озера, Светка вспрыгнула на батут, взлетела, и небо, озеро, белые палатки, зеленый лес завращались вокруг нее. И пока дивилась на это, солнце склонилось к закату, вспыхнуло прощальным костром.

И снова кто-то и где-то, вспомнив о Светке, кинул ее жизнь на весы и увидел, как она затяжелела, нарушая существующее в мире равновесие благ и страданий. Соколова забыто выматерилась - разучилась за лето, - когда узнала, что ее любимец петух сдох.

Детство кончилось, и никому уже не вогнать Светку в него, как она себя не смогла вогнать в туфли, которые не лезли на ноги, в платья, рвущиеся по швам на плечах. Обрезала у туфель задники, отпоролла подворот на школьной форме, подтянула короткие чулки - и готова в школу.

Первого сентября шла серединой школьного двора, дерзко смотрела на всех виноградно-черными глазами, и перед ней расступались. Шла в перекрестии множества изумленных взглядов, в четком стуке каблуков, в серебристой мелодии, стекающей с упругих смолистых колец, небрежно схваченных красной лентой. И, слушая мелодию ее движения, сын торговли понял, что ему никогда не носить больше ее портфель - он слишком тяжел для него. Валентиныч, вечно грустящий Валентиныч улыбался ей, наполняясь Светкиной мелодией.

И началась травля. Одна против двенадцати в классе. Да еще их подруги в параллельных. Да еще те из парней, низкорослые, ушастые, рыжие, трусоватые; не их вина в худородности, но их вина, что не могли подняться над своей ущербностью, удавить в себе завистливо-подлое ко всему красивому, взойти над собой.

Сын торговли, с которого первые красавицы школы - двойняшки треста столовых и ресторанов - не спускали дни напролет очей своих синих, а по ночам плакали, обнявшись, от неподделенной между собой любви, на перемене подошел к Светке и просто сказал ей:

- Я люблю тебя. А тогда я, наверное, трусил.

И Светка предложила ему встречаться в городе. Но он только грустно помотал головой, и глаза его были грустными. Он не хотел встречаться в городе, он хотел носить ее портфель за мост. Повторить ничего нельзя, но можно вернуться и еще раз попробовать пройти дорогу до конца. Так он понимал жизнь. И Светка сказала, что не может быть его проводником в реанимацию, потому что с той стороны моста ее встречают. Если тогда сына торговли просто били, то теперь - забывают. В Заречье тоже услышали серебристую мелодию ее тяжелых кудрей, схваченных красной лентой, и рассмотрели балетную походку. И что она выросла из прошлогодних одежд. А дядя спустит с цепи волкодава, страдающего несварением желудка от злобы, и это будет верный конец сына торговли. Дядя, который подсматривает в окно, когда Светка моется в бане на задах усадьбы. Мутную стеклинку она протирает, чтобы ему хорошо было видно. Где-то слышала, что сердце иногда не выдерживает безумных желаний - лопается. Крючок на двери надежный, и кипятик под рукой.

- Ты хороший парень, - сказала Светка и не добавила, как тогда, ни дубленных, ни суковатых слов, потому что он действительно был хорошим парнем. В октябре просвечивались флюорографией, и кто-то из одноклассниц заметил родинку под левой Светкиной грудью, а потом ушастые недомерки с похабными ухмылками говорили: "Точно, родинка есть..." И возненавидела Светка до конца жизни своей всех баб. Подлых баб. Бил ушастых сын торговли, и они гуртом били его. Светка сказала ему, чтобы попустился. Сама она давно попустилась. Если бы было на что жить, Светка бросила бы школу. Но не ходить в нее - это отлучить себя от швабры, а мать одна не потянет. Она решила доучиться до весны, до получения паспорта, а потом устроиться на работу. Ходила на занятия, а если

прогуливалась, шла к Валентинычу в спортзал. С Тинычем было легко, потому что он все понимал. Учителя жаловались на Светку не матери, а Тинычу. Он ее не ругал. "Ничего, - говорил, - только смотри, а то на соревнования не отпустят." А когда Светка оправдывалась перед ним, всегда соглашался с ней. Сколько бы она ни говорила, не перебьет, слушает, улыбается грустно.

В спортзале Светка летала до одури, ждала, пока закончатся занятия, чтобы начать уборку. Домой тащилась, едва перебирая ногами.

По вечерам Светка лежала на кровати и смотрела на вяжущую мать. Тихо, так тихо у них, что слышно, как в лампочке-сороковке (чтоб на счетчик меньше мотало) ток течет по нити накаливания. Иногда только всквохнут куры или мать уронит спицу. Дань самовязками она теперь отдаст дядиной жене, которая исправно, каждую субботу приходит после бани в халупу, осматривается и заводит разговор, что на дрова ее надо разобрать. Мать бледнеет, до заикания пугается и достает бутылку красного вина из шкапа, ублажает стерву и чуть ли не кланяется.

Ни одной мысли у Светки в голове, как, наверное, и у матери, которая вяжет, вяжет, стягивая нить с клубка. И лицо у нее такое же глупое, как у Светкиных одноклассников, когда внимательно слушают урок. И завтра так же тихо будет у них, если халупа не завалится. Светка ее подпорками укрепила с той стороны, куда она все больше клонится. Прислонила два подручных бревна, привезенных ночью на санках от лесозавода.

- Расскажи про любовь, - иногда просит Светка, и мать, став приветливой лицом, в который раз рассказывает о своем "морском" романе: стыдится, робеет и упивается воспоминаниями. Воспоминание короткой любви, еще не сошедшей с нее, подобно черному загару, в котором мать приехала. Были любовь и единство двоих, обугленных этой любовью в темные южные ночи, были мужчина и женщина, не связанные семьями, в расцвете лет, в искренней и неподсудной откровенности тел своих. Простая, прекрасная и вечная суть - мужчина и женщина, и безоглядная на одежды и завтра - любовь. А потом были одежды и постыдное бегство школьной уборщицы от земляка - главного геолога крупнейшей в области геолого-разведочной экспедиции. Как сходящий загар, все светлей, призрачней и неуловимей воспоминания...

В конце первого полугодия страсти вокруг Светки стали затихать, как затихает напыливший ветер. Сплетни о ней всем уже приелись, выдумки не распалили воображение. Это было затишье перед большими событиями, виновником которых, отчасти, стал сын торговли. Неожиданно для всех он перевелся в другую школу.

- Теперь мне будет трудно, - сказал он Светке на прощание.- Нельзя выпрашивать любовь, как нельзя в ней признаваться два раза.

И ушел по коридору, прощально глядя на кабинеты и стены родной школы.

Несколько дней, притихшая, Светка сама в себе смотрела ему вслед - ушел человек, не умевший выпрашивать любовь. Смотрела за горизонт, угадывая дорогу сына торговли, и ударил ей в спину последний вал, объясняющий Светкину притишенность: оказывается, она была беременна от сына торговли и собиралась сделать аборт во время новогодних каникул.

Пережила бы и это и, оправившись от аборта (в представлении большинства), приступила бы к занятиям, но подрезало ее дикое наследие дикой старины - бить несправедливо зачавших женщин.

Школьные туалеты были слабостью директора. Сияющие белым кафелем и зеркалами, ароматизированные, они походили на операционные. Директор выходил из туалетов всегда удовлетворенным. Влаком вот месте и закончилось Светкино пребывание в школе.

Зашла причесаться. Оглянулась на шум у двери: швабра через ручку пропущена, за косяк заведена.

- Неужели беременную бить будете? - спросила Светка.

- Еще как, - ответила дочь главнаба.

- Он из-за тебя ушел из школы, - сказала одна из двойняшек треста столовых и ресторанов.

- Швабра и швабрина дочь, ты ребенка утопить в унитазе хочешь, - осудила Светку толстуха из параллельного класса.

И надвинулись по две слева и справа. Ожидалось расцарапывание лица, гулкие удары кулаков по спине, выдирание прядей раскудрявых Светкиных волос. И никакая волна старых обид не захлестнула ее, как это бывает. Просто поняла: вот и все. Даже вслух сказала: "Вот и все", - свои последние слова в этой школе, - и сбила коротким ударом в лицо одну из двойняшек, у которой зубов после этого стало ровно тридцать, а два прекрасных белых резца провалились к небу. Вторая двойняшка упала в обмороке на сестру, толстуха и дочь главнаба заперлись в кабинке, стали угрожать

оттуда Светке последствиями, а она переступила через двойняшек, выдернула швабру и пошла домой.

За две недели Светка обрысила все ближайшие предприятия. На работу не принимали. А после часовой беседы в детской комнате районного отдела милиции, где ее поставили на учет, сказала матери:

- Я буду лежать, а ты работать и кормить меня, пока мне не исполнится шестнадцать лет. Потом поменяемся.

И легла на кровать. Это были хорошие дни. Смотрела в потолок и слушала радио. Светка открыла для себя, что ее жизнь и счастливое детство охраняют самые лучшие в мире вооруженные силы, самая лучшая Конституция. Оставалось только жалеть, что ее житейские беды ничего общего не имеют с поступью страны, гигантскими шагами пятилеток идущей в коммунизм; историческая миссия советского народа столь значительна, что впору устыдиться ей, Светке Соколовой, ничтожности своих невзгод.

Вечером приходила мать, затапливала печь старыми разбитыми ящиками, лезла в подполье за картошкой. После ужина, если не болела голова, садилась вязать. Прижимаясь спиной к плоскому боку печи, бездумно смотрела перед собой вверх мелькающих спиц, и недвижимое выражение лица было глупым.

- Расскажи про любовь, - в который раз просила Светка, чтобы хоть какие-то признаки жизни на лице и в глазах матери появились, осветили ее.

Однажды днем зашел дядя. Поставил на стол бутылку водки, приглашающе посмотрел на Светку.

- Мне нельзя, - сказала она. - Я беременна неразделенной любовью к отечеству.

Дядя понял, что она беременна, и с надеждой спросил:

- Сильно беременна?

- Сильно, - ответила Светка. - Как планета - ядерным конфликтом.

Дядя угрюмо выпил стакан водки, выкурил папиросу, принес охапку листовяничных дров, затопил печь.

- Сволочи бывают простые и приличные. Ты - приличная сволочь, - сказала ему Светка.

Он заткнул бутылку бумажной пробкой, сунул в карман, ушел.

Светка вылеживала свое шестнадцатилетие.

Первый настоящий мужик, встреченный Светкой в жизни, пришел в воскресенье, хотя нигде не написано, что настоящие мужики приходят по воскресеньям.

Светка с матерью разбивали ящики во дворе, когда открылась калитка.

- Потапов... - выдохнула мать и в ужасе села на ящик из-под водки.

Было чему ужасаться: цепник-волкодав, бесшумно волоча цепь по снегу, припадая к земле, сбоку заходил на Потапова. Но прежде чем мертво сомкнуть челюсти между воротником и шапкой, прочищая горло, издал хриплый рык. Ему не случалось гонять по двору и рвать неосторожную жертву, он дорожил нечаянным случаем и не спешил. Он больше привык лютовать, кидаясь на калитку, за которой стояли пришлые, а потом рвать укороченную хозяином цепь, когда они проходили через двор. Привык к страху в глазах людей и катнул горлом рык, чтобы жертва заметила его, побежала, и тогда он бросится, собьет ее, ударит клыками... Кто знает, сколько бессонных ночей провел он в будке, мечтая об этом.

Кольцо цепи заскользило по проволоке, натянутой вдоль двора, серединой которого шел Потапов: пес полз на животе следом, повизгивая и хватая себя зубами за плечи.

- Куси его, куси, - кричал с крыльца дядя, потрясенный увиденным.

- Чего же вы, товарищ, без шапки? Простынете, - заботливо сказал ему Потапов.

И Светка поняла, что это пришел настоящий мужик. Собак и людей Потапов угадывал сразу, а разметенная тропинка от высокого крыльца к дровам, Светка с матерью, разбивающие ящики, жидкий дымок из трубы над халупой и густой жирный над домом - картина, понятая Потаповым мгновенно.

- Ты была не права, Мария, - сказал он матери, проходя в халупу.

Мать опустила голову и, как ненужную теперь вещь, бросила в снег их единственный топор, которым очень дорожили, хотя он и слетал с топорница.

Потапов сдернул со стены домотканый ковер, и она заolestела инеем. Одним точным движением опрокинул на ковер полку со Светкиными учебниками, безошибочно выдернул из тумбочки ящик с документами.

- Еще что? - спросил он у матери, и она заметалась по избушке, хватая различную утварь, одежду и сразу же отталкивая от себя. Все это, убогое, принадлежало халупе, как принадлежали ей шест-

надцать лет Светка и мать.

Мать присела у курятника и почти торжественно посмотрела на Потапова

- Вот, - сказала гордо.

- Это дело, - одобрил Потапов и выставил курятник за порог. "Куда-тах-тах, куда..." - забормотали обеспокоенные куры, а Потапов нес их к чурке, где мать бросила топор. Светка вышла во двор, безучастно стояла в стороне. Никто и ни на что не спрашивал ее согласия. Снег возле чурки был усыпан бусинками крови, на него падали белые головы с глазами, подернутыми смертной пленкой.

"Ах!.." - гроыхнуло за баней. От выстрела с крыши дома сорвался пласт снега, присыпал сиротливо лежащую собачью цепь. Вскоре с задов пришел дядя, продул ствол ружья и угрожающе сказал Потапову:

- Сегодня этот сарай на дрова раскатаю.

- Я помогу, - тоже неприветливо ответил Потапов, требовательно и лаского позвал: - Мария!

Ковровый узел не пролазил в дверь, Потапов легонько отстранил мать, одним движением вырвал его, отбросил к горке порубленных кур.

Подпорки, поставленные Светкой, намертво вросли в землю, вмерзли, Светке не хотелось, чтобы Потапов с ними совладал. Потапов, сцепив пальцы рук в замок, обхватил ближнюю, приналег, уперся ногой в стену. Светка наблюдала, как, оскаливаясь рвущимся швом, на дубленке отрывается рукав, отлетел напрочь, потом сошел рукав костюма, засветившись ватиновой набивкой на плече. Потапов перевел дух, посмотрел на руки и спросил мать:

- Неужели укорот им пришел, Мария? - Подсел под лесину, уперся в нее плечом, постанывая и прикрыв глаза стал покручивать, выворачивая из мерзлой земли.

Дядя, волнуясь, часто дышал у Светки за спиной. Светка понимала его. Всех понимала, кроме себя. Радоваться бы, глядя на Потапова, как он выкорчевывает ее жизнь, корней не оставляет. Нет так му мужику укорота.

Подпорка переломилась у земли. Наверное, подгнила. Халупа плаксиво скосоротилась дверным проемом и подслеповатым окном, из которого слезами пали стекла, - Потапов охряписто приладился ко второй укосине.

Разорив гнездо, он, как добычу, бросил на плечо ковровый узел, сверху мешок с курицами, кивнул матери, и она пошла за ним к

Если кто не знал в жизни счастья и оно нечаянно сверзилось ему на голову - тот глупеет безнадежно. Выражение лица, с каким мать металась по халупе, ехала в машине, стало печатью; Светка полагала, что и во сне оно не менялось. Если только они спали... Перестановка мебели, начатая матерью и Потаповым в его коттедже, и выбивание пыли из всего мягкого, казалось, продолжались и по ночам. Судя по тому, как в перерывах между трудами звучал придуренный смех в их комнате, работа спорилась. По стараниям был и аппетит: Светка иногда просыпалась среди ночи от дразнящего запаха жареной картошки с луком, котлет. Эти труды так увлекли Потапова, что он взял отпуск. Днями они с матерью уезжали на машине в город, возвращались с покупками, снова уезжали куда-то, и с лиц обоих не сходило выражение счастья. Светка в их отсутствие расхаживала по коттеджу, гуляла в сосновом бору понад рекой, а при них отсиживалась в своей комнате. Выспавшись днем, тосковала ночью о сонном квохтании кур, шелесте огня в печи и его отсветах из прогоревшей дверцы и поддувала, о дыхании матери. Слушая ночами, как хлопают двери, звенит посуда в кухне, шумит вода из кранов и душа, разгневанно взрыкивает потревоженный унитаз, Светка пропитывала себя ненавистью к Потапову.

К концу отпуска размякшая голова его окрепла достаточно, чтобы выйти на работу. О матери этого сказать было нельзя. Похоже, что ее зашибло надолго, если не на всю жизнь. Самое удивительное - у нее прекратились головные боли. "Как рукой снял," - говорила мать о Потапове. Светка едва удержала себя, чтобы не сказать ей, чем он снял.

Работать матери Потапов не разрешил. Сам он уходил рано; мать, накормив и проводив его, начинала заниматься стряпней. В обед встречала в прихожей, ждала с тапочками в руках, пока он разденется, потом они шли в ванную и мать стояла с полотенцем за его спиной. Переходили в кухню, мать снова стояла рядом с ним, ждала, пока он поест. И все это обоим доставляло удовольствие.

Светка тоже ждала, но не Потапова, а шестнадцатилетия. Потом видно будет, как жить дальше, а пока ни на работу - куда без паспорта? - ни в школу: слишком много пропустила.

Как ни расцарапывала в себе Светка коросты обид на Потапова, чтобы кровь пошла, больно стало, огонь ненависти разгорался мед-

ленно. В первые дни еще надежда была: начнет с подарками подъезжать, как к коттеджу на машине, жизни учить. Но он ни в благодетели, ни в товарищи не спешил набиваться, словно знал, что Светка - ружье безосечное с курками взведенными, которые лучше не трогать. Зато на матери выезжала. Что та ни сделает - все не по Светке. Картошку жарит - пересолит, котлеты - пересушит, суп сварит - жидкий. Светка ложки-вилки на стол покидает, а мать виноватится. Чем круче с ней Светка, тем мать податливей. И хоть бы раз всплакнула. Светка бы простила ей все. Раньше мать чуть что - в слезы. Мерзлую картошку чистит - плачет, валенки Светкины подшивает - плачет, обнову себе справит - и то плачет. А здесь - ни слезинки.

Однажды вечером мать, робко постучавшись, вошла к ней с тряпкой и водой. Обидно Светке стало за нее и за себя, что все в комнате пылью заросло. А у матери во взгляде - робость. Дозволят ли?

- Ты читай, доченька, я тебе не помешаю. Только пыль обмахну да полы смою.

И, задыхаясь от любви и нежности, сказала ей Светка:

- Дура ты, блаженная...

Мать медленно-медленно поставила ведро, вышла, уронив тряпку. Дверь за собой осторожно прикрыла. Светка, ошеломленная, еще переваривая то, что сказала, уже готова была следом бежать, но дверь открылась и вошел Потапов. Листая какой-то справочник длинными пальцами с зажатым между ними карандашом, сказал:

- Если тебе невмоготу, Света, машину мою на молекулы расщепи. Кувалда в гараже. Или гараж подожги - спички в кухне. Пальто мое майонезом облей. Только не обижай маму. Пристало ли кровь пить из того, из чьей груди молоко сосала?

Светка кое-что хотела сказать ему про грудь и кто ее сосет, но Потапов, делая какие-то пометки карандашом, уже уходил.

В этот вечер Светка больше не читала. Она упивалась своей ненавистью к Потапову.

Ее ненависти уже мало было воображаемого Потапова, Светка караулила его везде, где только могла, и сопровождала взглядом, как охотник стволами - дичь. По утрам, выглядывая из-за шторы, стояла в рубашке у окна, пока Потапов, босой, в плавках, расхаживал по двору, выбирая сугроб попышнее, валился в него, посыпал себя снегом. От него шел пар, мышцы бугрили кожу, иногда его сотрясал озноб, и Светка шептала: "Так тебе и надо..."

В отличие от буден, Потапов в выходные дни охотно втягивался в телефонный треп, и всякий разговор мог закончиться поездкой на рыбалку или турбазу экспедиции, шашлыками в ближней тайге.

- Мария, выворачивай холодильник - едем, - кричал матери, живо выметываясь из кресельного гнезда.

И мать не пугалась, что поздний вечер, а то и полночь, собирала рюкзак, а Потапов уже нес в машину спальные мешки, рыболовные снасти, ружье. Светку тоже приглашали, но она понимала, что им без нее будет лучше. Мать при ней робеет тянуться к Потапову, он сторонится матери. Она, Светка, будет третьей в машине, третьей у костра, третьей в комнате на турбазе. Она им мешает, нахлебница без определенных занятий. Ни они к ней, ни она к ним не могли пробиться через ее угрюмость. И чем больше уговаривали ее поехать, тем грубей отказывалась. Уходила к себе, понимая, что испортила им настроение. Она не даст Потапову повод для радости, что у него все хорошо дома, что он нашел к Светке подход; для торжества над ней: поехала, хотя лишняя, а он, вот какой, взял ее. Нет, она не из простушек-дур, выросших на кобасе и чае с сахаром. Она заставит Потапова зауважать ее. А пока пусть мучается. Едет - мучается, спит - мучается, думает о ней - мучается. Так сложно закручивала Светка свои отношения с Потаповым, а фары, светлым взглядом обежав двор, проверяя, не забыто ли что, находили ворота, дорогу, высвечивали ее машине все дальше и дальше... Светка зажигала люстры, бра и настольные лампы, надевала новые пальто и сапожки, которые из вредности не носила, расхаживала по комнатам, наблюдая свое отражение в зеркалах, мрачно и торжественно раздумывала о своей жизни, а потом падала плашмя на кровать и тоскливо засыпала.

Иногда Потапов уезжал в недолгие командировки. В рабочее время объявлялся дома, загонял в гараж машину. Светка смотрела в окно, как он идет через двор - в чиновничьей униформе и с карабином.

- Надолго? - спрашивала встревоженная мать.

- День туда, день там, день обратно, - всегда одинаково и огорченно отвечал Потапов, но Светка видела - рад поездке.

Пока мать на скорую руку гоношила на стол, он быстро собирался, в кухню приходил уже переодетый в полевое, основательно сл, выглядывая в окно: не подошла ли за ним машина или вездеход. В грубой полевой одежде Потапов выглядел интеллигентней, она смягчала его порывистые движения, выразительные черты ли-

- 551967 -

ца. Кинув на плечо карабин и поцеловав мать, Потапов выходил на звук сигнала, а мать со Светкой разбредались по комнатам, каждая по-своему переживая его отъезд: одна грустила, другая скучала без предмета ненависти.

Непереживаемую ненависть Светка пережила в солнечный день восьмого марта, когда Потапов с матерью впервые вместе собрались на люди - в какую-то компанию.

Не случилось в свое время расцвести молодой брошенке, смятой родами безотцовщины, закуковевшей в испуге перед жизнью отбойной и полунищенской. Оказавшись возле Потапова, в его руках, не знающих укорота, переболев до черного обмета вокруг глаз недосыпом, овеснилась она соками цветения на тридцать седьмом году жизни. С досадным восхищением Светка смотрела на нее, когда она вошла в зал. Лицо, чуть тронутое косметикой, было свежим, как только что сорванный плод, легкая ткань платья не скрывала девичьей стройности фигуры, волосы, свиваясь в упругие кольца, водопадно текли на нежные плечи, неслышная музыка их движения околдовала Потапова: зачарованный, не дыша, смотрел на мать.

Они одевались, а Светка видела, что Потапову не хочется никуда. Поняла, что не будь ее дома, они бы остались. Поймала его грустящий взгляд на себе, когда закрывала за ними двери

Задыхаясь от приступа ненависти, она вылила в ванну флакон шампуня, взбила горячей струей воды, с головой окунулась в душистую пену. Ополоснулась под душем, нагая прошла к зеркалу. Покрутилась перед ним, вскидывая гибкие руки и приподнимаясь на цыпочки; за спиной висел яркий ковер, она виделась себе прекрасной бабочкой, порхающей над цветочным лугом.

Достала из матеиноного шкапа и надела тончайшее импортное белье, капроновые чулки, газовую кофту. Выпила рюмку потаповского коньяка и, вспомнив его слова, что нет лучше закуски, чем соленый огурец, закусила соленым огурцом. Схватила волосы красной лентой, окуталась французскими духами, сверху накинула новое пальто.

За полчаса раскачливого бега электрички приятный хмель выветрился из головы и Светка двигалась вперед только на вращении колес и собственной решительности.

В городе купила себе три гвоздики и стала как все. Сориентировавшись от школы, нашла дом-малосемейку, в котором

Это была демоверсия книги - Димов О.А. На исходе тревожного лета: Повесть-реквием

С полной версией книги, Вы можете ознакомиться в нашей библиотеке по адресу: Забайкальский край, г. Чита, ул. Ангарская, д. 34